

Сяо Цзин был в прекраснейшем расположении духа. Взяв под руку Дуань Минчэня, а другой рукой удерживая кисть Гу Хуайцина, он громко рассмеялся:

— Вы оба — мои верные опоры, любимые сановники. С вами рядом я словно тигр, обретший крылья!

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин переглянулись и в один голос склонились в поклоне:

— Мы, ваши слуги, к вашим услугам. Не пожалеем жизни!

Воодушевлённый, Сяо Цзин оставил их для дальнейшей беседы.

— Сегодня утром я принял посланца от государства Усунь. Любимый сановник Дуань, ты провёл на Северных пределах много лет и, должно быть, хорошо осведомлён о положении дел на Западе? — спросил император.

Дуань Минчэнь ответил:

— Отвечая Вашему Величеству, на Западе насчитывается более десятка больших и малых государств. Ваш слуга может лишь сказать, что кое-что о них слышал, но глубокими познаниями не обладает.

— Тогда расскажи, что тебе известно.

С этими словами Сяо Цзин достал с императорского стола карту Западного края, начертанную на овечьей коже, и развернул её перед Дуань Минчэнем. Гу Хуайцин тоже проявил интерес к теме, и оба устремились на Дуань Минчэня ожидающие взгляды.

Тот стал пояснять, указывая на карту:

— Ныне на Западе наибольшим влиянием обладают Ойраты, но тартары — народ не коренной, а пришлый, захватчики. Исконные государства Западного края по-прежнему существуют, многие имеют долгую историю, как, например, Усунь, Вэньсу, Сичан. Государство Усунь — одно из сильнейших. Его правитель, Мохэдо, человек весьма амбициозный. С момента восшествия на престол он наращивает войска и постоянно ведёт войны с соседями. Позапрошлым годом он поглотил государство Сичан, перебив почти всю сичанскую знать, а королевский дворец предав огню. Из-за разницы в вере он также казнил монахов и прочих служителей культа, велел сжечь все книги и насильно заставил народ Сичана сменить веру. Непокорных ждала смерть, не щадили даже младенцев в колыбелях.

Гу Хуайцин воскликнул:

— Неужели Усунь столь жесток? Могут ли они угрожать Великой Ци?

Дуань Минчэнь ответил:

— Ваш слуга полагает, что недооценивать их нельзя. К счастью, между Усунем и Великой Ци нет общих границ — их разделяют обширные владения Ойратов. Пока что непосредственной угрозы нашим рубежам они не представляют.

Сяо Цзин ещё немного поговорил с Дуань Минчэнем о положении на Западе, после чего отпустил его, оставив при себе одного Гу Хуайцина.

*Примечание автора: Имейте в виду, это уже новая часть, и между событиями прошло

некоторое время. Можете считать это возвращением к прошлому (?). Вопрос, который Дуань Минчэнь задал Гу Хуайцину в конце второй части, будет раскрыт позже, не волнуйтесь~*

После ухода Дуань Минчэня в чертоге остались лишь Сяо Цзин и Гу Хуайцин. Без посторонних сановников Гу Хуайцин почувствовал себя свободнее и, разговорившись и захотев пить, взял с императорского стола чайник и чашку, налил себе чаю и, опустившись на колени у стола, принялся неспешно потягивать напиток.

Сяо Цзин наблюдал, как Гу Хуайцин выпивает чашку, затем собственноручно долил ему ещё и с улыбкой сказал:

— Это новый белый чай из Хучжоу, недавнее подношение. Если понравится, велю отправить тебе немного.

Гу Хуайцин покачал головой:

— Не стоит, «Да Хун Пао», что вы дали в прошлый раз, ещё много осталось.

Сяо Цзин продолжил:

— Только что я пожаловал Дуань Минчэню перстень. Ты... не в обиде?

Гу Хуайцин удивился:

— Ваше Величество, что вы говорите? Мало того, что вещь ваша и вы вольны жаловать её кому пожелаете, — вы и так уже одарили меня сверх всякой меры: и повышением, и одеянием. Я и то смущён такой милостью, как же могу быть ещё и недоволен? Да и разве я столь мелочен?

Сяо Цзин улыбнулся, явно обрадованный:

— Всё-таки Хуайцин великодушен. Твой приёмный отец то и дело норовит потягаться с Гвардией в парчовых халатах, выяснить, кто главнее, а ты смотришь куда дальше его.

— Мой приёмный отец — управитель Восточной Ограды, ему волей-неволей приходится ставить интересы ведомства на первое место, его угол зрения отличен от моего, — Гу Хуайцин сделал маленький глоток чая. — Однако Дуань Минчэнь и вправду талант. Вашему Величеству стоит приложить некоторые усилия, чтобы привлечь его на свою сторону, это правильно.

Сяо Цзин многозначительно взглянул на него и с лёгкой насмешкой произнёс:

— О? Я припоминаю, в прошлый раз, когда я спрашивал твоё мнение о Дуань Минчэне, ты говорил, что он, вероятно, не соответствует своей славе, гонится за пустой славой. Как же вышло, что прошло совсем немного времени, а ты, Хуайцин, кардинально переменял взгляд и теперь считаешь его талантом?

Прекрасное лицо Гу Хуайцина слегка вспыхнуло.

— Тогда я так говорил, потому что ещё не работал с ним бок о бок и не знал, что он за человек, — оправдывался он.

Сяо Цзин чутко уловил, что выражение лица Гу Хуайцина стало немного смущённым. Вспомнив, как те двое, почти не обменявшись словами, тем не менее общались взглядами, полными какого-то особого взаимопонимания, в которое он, император, не мог вклиниться, Сяо Цзин убрал улыбку и осторожно спросил:

— Хуайцин, кажется, относишься к тому Дуань Минчэню как-то... особенно?

Гу Хуайцин подумал: конечно, особенно. Вместе ходили в цветочные кварталы, вместе били пиратов, даже делили одно ложе. После стольких дней, проведённых бок о бок, они стали закадычными друзьями, разве можно сравнивать?

Однако, выросший бок о бок с Сяо Цзином, Гу Хуайцин знал: юный государь с виду мягок и добр, но в душе мелочен и ревнив. Как бы близки они ни были, между ними всё же лежала пропасть: государь и подданный. Сяо Цзин был уже не тем нелюбимым принцем, а повелителем, чьей воле покоряются все четыре стороны света. Для правителя же нет большей опасности, чем тайные союзы и близкая дружба среди сановников — это прямая угроза трону.

Поэтому Гу Хуайцин объяснил:

— Мы с Дуань Минчэнем вместе расследовали дело и стали немного ближе, чем раньше. Я узнал, что он человек благородный. Но что до дружбы — так это всего лишь отношения между благородными мужами. Его характер сух и скучен, прямо как у старого консерватора, — разве может он мне нравиться?

Сяо Цзин глубоко заглянул в глаза Гу Хуайцину, а затем вновь расплылся в улыбке.

— Это ты сам ветрен и непостоянен, а винишь другого в чопорности. Это я тебя избаловал.

Гу Хуайцин не обиделся, а нарочито приподнял бровь.

— Вот ещё! Ваше Величество пристрастны: перстень подарили ему, а мне — нет. Я ведь тоже люблю охоту и стрельбу из лука! Если вы и вправду меня балуете, то и мне стоит что-нибудь пожаловать.

— О? И чего же хочет Хуайцин? Если это в моих силах, говори смело.

Гу Хуайцин улыбнулся, словно хитрая лисичка.

— У меня есть одно маленькое желание, и вы уж точно сможете его исполнить.

— Какое же?

— Я теперь, как-никак, чиновник четвёртого ранга, а всё ещё ютлюсь в помещении при Восточной Ограде — совсем неприлично. Хочу попросить Ваше Величество пожаловать мне усадьбу.

По логике вещей, просьба Гу Хуайцина была вполне разумной. Испокон веку главные евнухи, имеющие ранг, обзаводились собственными резиденциями. Например, у Вань Чжэня была пожалованная покойным императором усадьба, построенная с невероятной роскошью.

Однако, услышав слова Гу Хуайцина, Сяо Цзин помрачнел.

— Хуайцин хочет покинуть дворец?

Почувствовав недовольство в голосе императора, Гу Хуайцин поспешил ответить:

— Ваше Величество неверно меня поняли. Я — евнух, как могу покинуть дворец? Даже если у меня будет усадьба, я по-прежнему буду в основном находиться в Восточной Ограде и во дворце, всегда готовый исполнить ваши приказания. Просто... закончив дела за день, вечером

хочется возвращаться в свой дом, в покои, обставленные по своему вкусу.

Выслушав объяснение, Сяо Цзин смягчился.

— Хуайцин прав, это я недодумал. Присмотрел ли ты уже место? Где хотел бы построить усадьбу?

Гу Хуайцин задумался, а затем честно покачал головой.

— Вот этого... пока нет. Нужно будет поискать. Сначала я хотел заручиться вашим дозволением на строительство, а уж потом присматривать участок.

Строительство усадьбы — дело не одного дня. Да и если она будет построена, Гу Хуайцин, как прежде, будет всегда под рукой, если императору потребуется. Так что ничего страшного.

Сяо Цзин всегда баловал его, почти ни в чём не отказывал, и потому кивнул:

— Хорошо, я разрешаю. Если на строительство не хватит серебра, скажи мне.

— С серебром проблем не будет. Благодарю Ваше Величество за милость! — Обрадованный Гу Хуайцин широко улыбнулся и, подобрав полы халата, совершил почтительный поклон.

— Ну что, теперь доволен? — Сяо Цзин велел подать шахматную доску. — Давай, сыграем партию.

Гу Хуайцин сжал губы в улыбке.

— Ваше Величество вчера принимали нового чжуаньюаня и таньхуа, играли с ними в шахматы всю ночь — и всё ещё не наигрались? Мои скромные умения не стоят того, чтобы позориться перед вами!

Не так давно завершились весенние дворцовые экзамены. Сяо Цзин впервые после восшествия на престол лично проводил высший дворцовый турнир и среди множества талантов лично указал на чжуаньюаня, баньяня и таньхуа. Забавно, что и чжуаньюань, и таньхуа этого года оказались статными юношами лет двадцати с небольшим, и оба были выпускниками Академии Цзиньцзян.

Во время торжественного объезда на конях этих молодых и красивых талантов окружила плотная толпа, а некоторые смелые девушки даже бросали им в повозку цветы и вышитые платочки. То была поистине картина торжества весны и юного задора.

<http://bllate.org/book/16283/1466987>